

М. И. Стрельцова

*Новосибирский государственный педагогический университет
ул. Виллюйская, 26, Новосибирск, 630126, Россия*

margiv44@gmail.com

СЛОВА ИОАННА ЗЛАТОУСТА В УСПЕНСКОМ СБОРНИКЕ XII–XIII ВЕКОВ КАК ШКОЛА ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ

Предпринята попытка обратиться к филологическому анализу языка «Слова на вербное воскресение» в Успенском сборнике XII–XIII вв. как гомилетическому жанру церковнославянской словесности. Больше внимание исследователей древнерусских памятников привлекали оригинальные древнерусские и южнославянские произведения Успенского сборника. Отмечалось первостепенное их значение для развития древнерусского книжного языка и истории развития его грамматической системы. Наследие же церковнославянского языка в гомилетической части сборника, включающей Слова Иоанна Златоуста на Страстную и Пасхальную недели, Вознесение Господне, Вербное воскресение, на Великую пятницу и Великий четверг, а также Чтение Андрея Критского на Лазареву субботу, Слово Ефрема Сирина, содержащее Повесть об Авраамии, и другие церковно-учительные переводные тексты, в филологическом отношении изучены пока недостаточно. Переводная литература способствовала развитию в Древней Руси ряда оригинальных церковно-книжных жанров: поучений, житий, слов-проповедей, акафистов, церковных песнопений и др. Вместе с переводной христианской литературой на Русь были перенесены способы и приемы византийского риторического искусства, средства художественно-образной системы, приемы изображения внутреннего состояния христианских подвижников. Сборники проповедей святителей Русской православной церкви имели большую читательскую аудиторию, формируя духовно-нравственную и языковую культуру российского общества. Во второй половине XX столетия вновь возникла настоятельная потребность обратиться к бесценному наследию церковнославянской словесности в области православной гомилетики. Языковая составляющая этого наследия пока остается недостаточно исследованной. Описание системы художественно-выразительных средств византийских переводных гомилий, которые подвергались переработке славянскими переводчиками и включались в церковнославянские оригинальные тексты слов-проповедей, акафистов, Прологов, Торжественников, Постной и Цветной Триодей, является актуальным в связи с возросшим вниманием к истории церковнославянского языка и его функционированию. Особый интерес представляет дискурсивный подход к анализу особенностей слога гомилий отцов христианской церкви, сочинения которых стали школой формирования традиций церковнославянской словесности. С этой целью обращение к текстам Слова Иоанна Златоуста, находящихся в Успенском сборнике XII–XIII вв., может стать отправной точкой в изучении культурно-исторического вклада данного памятника в развитие церковнославянской словесности.

Ключевые слова: гомилия, проповедь, церковнославянская словесность, переводная византийская литература, символ, прообразование.

Переводная литература занимала важное место в книжной культуре Древней Руси. Л. П. Жуковская подчеркнула, что «в русской культуре и письменности XI–XIV вв. чрезвычайно велик вклад книжности, связанной с церковным обиходом». Это «преимущественно переводная, византийская по своему происхождению, литература» [1976. С. 4]. Больше внимание исследователей,

особенно древнерусской литературы, привлекали оригинальные древнерусские и южнославянские произведения Успенского сборника (далее – УС). Отмечалось первостепенное их значение для развития древнерусского книжного языка и истории развития его грамматической системы. Наследие же церковнославянского языка в гомилетической части сборника, включающей Слова

Стрельцова М. И. «Слова» Иоанна Златоуста в Успенском сборнике XII–XIII веков как школа церковнославянской словесности // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2015. Т. 14, вып. 2: Филология. С. 83–88.

Иоанна Златоуста на Страстную и Пасхальную недели, Вознесение Господне, Вербное воскресенье, на Великую пятницу и Великий четверг, а также Чтение Андрея Критского на Лазареву субботу, Слово Ефрема Сирина, содержащее Повесть об Авраамии, и другие церковно-учительные переводные тексты, в филологическом отношении изучены пока недостаточно.

Переводная литература способствовала развитию в Древней Руси ряда оригинальных церковно-книжных жанров: поучений, житий, слов-проповедей, акафистов, церковных песнопений и др. Вместе с переводной христианской литературой на Русь были перенесены способы и приемы византийского риторического искусства, средства художественно-образной системы, приемы изображения внутреннего состояния христианских подвижников. Этот опыт послужил основой для развития церковно-книжной поэтики, обогащения лексической и стилистической синонимии, словообразования, формирования книжных речевых жанров древнерусского языка.

Как пишет Д. С. Лихачев, древнерусские книжники-«переводчики» и переписчики вносили в эти переводы добавления, разъяснения, иногда сокращали содержание памятника или вставляли целые куски из других произведений. Основная цель данных изменений состояла в том, чтобы церковнославянский перевод точно давал отсылку к соответствующим фрагментам славянской Библии. Тонкий слой традиционных жанров, перенесенных на Русь из Византии и Болгарии, изменялся также и под влиянием острых потребностей древнерусской действительности [2004. С. 297].

Переводческая деятельность формировала древнерусский книжный корпус не только для обеспечения богослужения, но учитывала потребности читателя приобщиться к богатому христианскому наследию. Вместе со сборниками поучений и проповедей на Русь перешли разного рода толкования книг Священного Писания, особенно широко распространялись толковые Псалтири, духовные азбуковники. Далек не каждый человек в Древней Руси понимал философско-религиозный смысл того или иного события Священной истории, и переводная церковно-учительная литература призвана была помочь осознать и духовно пережить сакральный смысл этих событий, донести его до читателя. Именно эту задачу ставили

перед собой древнерусские книжники, обращаясь к Словам Иоанна Златоуста как к образцу жанра проповеди. Слова-проповеди, или поучения, имеют целью донести до слушателя (читателя) богословский смысл того или иного события Священной истории. Древнерусские книжники «учитывали» неопытность читателя этого времени. Названия произведений начинались с обозначения жанра, краткого сообщения о том, что говорит то или иное произведение, например: «слово юанна златоустаго о глаголющих, яко несть людно спастися живущии в мир» [УС, 1971]. Традиционность художественного выражения настраивала читателя или слушателя на нужный лад. Сюжет и содержание были узнаваемы. Те или иные традиционные формулы, жанры, темы служили сигналами для создания у читателя определенного настроения. Переводная литература служила воспитанию в Древней Руси духовно образованного читателя с развитым чувством церковно-книжного слова и стиля. Среди жанров переводной византийской литературы жанр Слова-проповеди пользовался особенной любовью. Он активно развивался древнерусскими книжниками, которые опирались на образцы «слов»-проповедей Иоанна Златоуста, Василия Великого, Григория Богослова, Ефрема Сирина и других выдающихся учителей христианской церкви. Древняя Русь впитывала этот опыт и училась построению не только церковной проповеди, но создавала на основе этого опыта образцы высокой поэтики в «Слове о полку Игореве», «Слове о погибели земли Рязанской». Среди переводной литературы Древней Руси XI–XIII вв., наряду с произведениями лучших древнехристианских и византийских авторов, наибольшей любовью пользовались сочинения Иоанна Златоуста. В Успенском сборнике XII–XIII вв. находятся 24 Слова, принадлежащие Иоанну Златоусту или приписываемые ему, среди которых «стѣго юанна оца нашего златоустаго слово на вербныици». Обращаясь к анализу «Слова Иоанна Златоуста на Вербное воскресенье», необходимо отметить, что «слово» как жанр проповеди имеет целью донести до слушателя (читателя) богословский смысл определенного события Священной истории, связать события Священной истории с жизнью каждого человека, раскрыть их отношение к устройению его духовной жизни. Слова учили древнерусского читателя широкому видению, умению за случайным и преходящим угадывать нечто значительное и «вечное». Слова-пропо-

веди произносятся в церкви, поэтому их композиция и художественно-образный строй нацелены на воздействие звучащего слова. Это сказывается в ритмическом построении, рифме, многочисленных обращениях к слушателю, в обилии ораторских оборотов. При крайней сжатости, экономии выражения тексты Слов очень богаты образным содержанием, прообразованностями, ссылками на книги Ветхого Завета и Нового Завета. Сложная образная система, передаваемая экономными лексическими и синтаксическими средствами, свидетельствует о том, что за спиной переводчика – древнерусского книжника – стоит длительная византийская культурная традиция, потому что в «слове» сконцентрирован целый ряд философско-богословских идей, которые в образной форме доносятся до слушателя (читателя), воздействуют, в первую очередь на его эмоционально-эстетические чувства, вызывая религиозные переживания. Содержание каждого из «Слов св. Иоанна Златоуста» определено уже в его названии: «СТАГО ИОАНА ОЦА НАШЕГО ЗЛАТОУСТАГО СЛОВО НА ВЕРБНИЦЮ» [УС, 1971. 233г, 30]. «СТАГО ОЦА НАШЕГО ИОАНА ЗЛАТОУСТАГО СЛОВО О БЛАДНИЦИ ЕХ ВЕЛНКУЮ СРЕДОВУ» [Там же. 201в, 30]; «ИОАНА ЗЛАТОУСТАГО СЛОВО ЕХ ВЕЛНВЫН ВЪТОРЫННЪХ Н О СЪБЪРАНИИ СЪБОРА НА ГА И ГЛАХОУ ЧЪТО СЪТВОРИЛИ» [Там же. 188а, 15]. Как видим, в названии Слова указывается не только на его содержание, но и на повод его произнесения – в связи с православным праздником, евангельским событием, в день памяти мученика, в определенные дни Великого поста или в связи с последованием церковного календаря. В «Слове на вербницу» автор в соответствии с книжной традицией, обращаясь к читателю и приготавливая его к чтению, пишет: «ѢИ МЫ ЕХЗЛЮБЛЕНИИ ОУГОТОВАИНАМЪ СРДЦЕМЪ Н ОУШНАМЪ ДОБРЫ СЛЫШАЩЕМА, СЛЫШНАМЪ ЧЪТО ЕХЗГЛЕТЬ КЪ НАМЪ ГЪ БЪ ЕХ ПРОРОЦЫ Н ЕХ ВЪАИПАНЪХЪ О СЪТЪМЪ ПРАЗДНИЦЫ СЪМЪ» [Там же. 234а, 30]. Слушатель (читатель) настраивается прежде всего на слово Евангелия, а автор скромно остаётся в тени, будучи лишь средством передачи слов Бога и пророков. Обращаясь к своим слушателям, Иоанн Златоуст в Слове постоянно прибегает к евангельским текстам, на основе которых строится развёрнутый образ – символ: «ЕХ РИЗЪ МЕСТО БРДЦА СВОН ПРОСЫПЛЕМЪ ПРЪДЪ ПИМЪ» [Там же. 234в, 10]. В Евангелии от Луки: «ИДОУЩОУ ЖЕ ВЛОУ, ПОСТНЛАХОУ РИЗЫ СВОИ ПО ПОУТИ» (Лк., 19 : 36). В Евангелии от Марка: «ИПОЗН ЖЕ РИЗЫ СВОИ ПОСТНЛАША ПО ПОУТИ, ДРОУЗИН

ЖЕ ВАИ РЕЗАХОУ ДРЕВЪИ Н ПОСТНЛАХОУ ПО ПОУТИ» (Мк., 11 : 8). Событие Священной истории – Вход Господень в Иерусалим сопровождалось ликованием народа, видевшего в Иисусе Христе мессию, который освободит Израиль от ненавистного Рима. Люди резали ветви деревьев и устилали ими дорогу перед Христом, некоторые стелили свои одежды, «ГЛАГОЛЮЩЕ: ОШАША БЛАГОСЛОВЕННЪ ГРЪДЫИ ВО ИМЪ ГДНЕ» (Мк., 11 : 49). Высокий образ-символ любви и жертвенности создаётся на основе переноса материальных деталей евангельского события в духовную область: вместо одежды и ветвей автор Слова призывает постелить под ноги Христа свои любящие сердца. Использование глагола ПРОСЫПЛЕМЪ в соответствии с евангельским ПОСТНЛАХОУ создаёт образ малой жертвы по сравнению с той жертвой, которую принёс Бог для спасения людей. Этот же приём создания образа-символа, отсылающего слушателя к евангельскому тексту, можно видеть и в следующем случае: «ИНОГДА БО СНИЕШНЪ СТАРЕЦЪ СЪРЪТЪ СЕБЯ Н НА РУЦЕ ПРИНАТЪ БЫХОМЪ ТВОРЪЦА АВЫ МЛАДЕНЩИ Н ГА Н БА ПРОПОВЕДА НИШЕ ЖЕ В СТАРЪЦЪ МЕСТО ПЕЪХМЫН ДЕТН СЪРЪТОША СЕБЯ АВЫ СНИЕШНЪ Н ВАНА ЕХ РУВУ МЕСТО ПОСТЪЛАША» [Там же. 237а, 30]. В отличие от предыдущего примера здесь кратко изложено евангельское событие – Сретение Господне, чтобы провести сопоставление встречи старца Симеона с Младенцем Христом и встречи детьми Христа перед Входом Господним в Иерусалим. Ветки финиковых пальм сравниваются с рукой старца Симеона, принявшего на свои руки Христа и благословившего его как Спасителя мира. Образ детей в приведенном примере опирается на ветхозаветные слова псалмопевца царя Давида: «ИЗ ОУСТА МЛАДЕНЩИ Н СЪБОУЩНХЪ СЪБЪРЫННАХЪ ВСИ ХВАЛОУ» [Там же. 10], которые автор Слова произносит в своей проповеди. Так возникают интертекстуальные переключки Слова не только с текстом Евангелия, но и с Псалтирью, с Посланиями апостолов и с книгами ветхозаветных пророков. Многослойность образов-символов приучала древнего русича к самым высоким канонам византийского ораторства, к инсказательности, к отвлечённому мышлению, к изяществу языка, расчетливо учитывающего устное произнесение в церкви при большом стечении молящихся. В одном событии преломляется Священная история. Автор Слова как бы приглашает своих слушателей воспарить умом и сердцем, взглянуть на совершающийся праздник, как на

своего рода вечное действо, существующее «ныне и присно». В основе поэтической лексики слов лежат привычные словесные ассоциации, но привычные не сами по себе, а в известной высокой ситуации – богослужбной или богословской. В проповеди автор стремится найти общее и вечное в частном, конкретном и временном, «невещественное» в вещественном, христианские истины во всех явлениях жизни. Этот принцип становится и принципом стилистическим.

Использование скрытых символов, как в приведенных выше отрывках из «Слова на Вербное воскресение», является результатом поиска тайных соответствий мира материального и духовного. По мнению Д. С. Лихачева, «символы вносили в литературу сильную струю абстрактности и по самому существу своему были прямо противоположны основным художественным тропам – метафоре, метонимии, сравнению и т. д., – основанным на уподоблении, на метко схваченном сходстве или чётком выделении главного, на реально наблюдаемом, на живом и непосредственном восприятии мира» [1996. С. 80].

Особенностью художественной выразительности Слов является стилистическая симметрия: «*Убояши сыну двадѣхъ благословѣнхъ грядынъ въ нѣдѣ гнѣ. съ пини же едепонихъ и мы благословѣнхъ нже отъ ба бѣ цѣрь славы обожавынъ въ своихъ си бѣзъ оубожьствѣ сы пасѣ дельма да пасѣ обогатитъ себю богатю благословѣнхъ пришьдынъ въ сжмврѣнѣ*» [УС, 1971. 237б, 10–15]. Сущность этой симметрии состоит в следующем: об одном и том же в сходной синтаксической форме говорится дважды; это как бы некоторая остановка в повествовании, повторение близкой мысли, близкого суждения, но о том же самом явлении. Мысль варьируется, но сущность её не меняется. Полной стилистической симметрии не бывает. Её члены никогда точно не соответствуют друг другу. Благодаря этой «неточности» восприятие произведения является до известной степени сотворчеством. Эта особенность стилистики связана с тем, что духовная, сакральная мудрость, далеко не вся, в представлении книжника, была доступна разуму. Эта её неполная открытость к пониманию создавала ощущение соприкосновения с вечным и непреходящим.

Другим важным элементом художественного стиля Слов является сравнение.

В целом, в древнерусской средневековой литературе сравнений гораздо больше, чем в литературе Нового времени. Например, в «Похвальном слове» Прп. Сергию Радонежскому даётся в одном случае сразу 35 сравнений. Сравняются объекты мира материального и мира духовного. Сравняются события и лица современной писателю истории с событиями и лицами Ветхого и Нового Заветов: «*пхчати їенъ въ непобѣдани бѣхъ пачешую пѣѣ. яво же древѣе мѡисѣенъ изъ египта людѣмъ. благословѣнхъ грядынъ въ нѣдѣ гнѣ*» [Там же. 234г, 5]. Этим приемом автор помогает «правильно» осмыслить значение происходящего. Характерной особенностью является присутствие в сравнении элемента противопоставления: «*пастухъ добрынъ и блягынъ положити дѣшу свою за овцѣа своя да яво же овцѣа травниа влѣкхъ овцѣю бо ялчють ловци сице разоумныиа и дшгубныиа влѣкхъ себе си явы члѣка положихъ старѣншиа пастѣнѣ*» [Там же. 238а, 20]. Мир земной и мир небесный, мир материальный и мир духовный не только сопоставляются, но и противопоставляются. Разделение мира на духовное и материальное, божественное и человеческое отражается в бинарности художественного мышления автора Слова, проявляющейся, в частности, антонимией добра и зла: «*нстоынъ на лѣжааго, сѣсѣ на провѣдника, миротворць на супротнѣнника члѣволюбць на пѣпаянстынника члѣвомихъ*» [Там же. 238б, 15]. Стилистическая симметрия, противопоставление, привычные словесные ассоциации, повторяемость образов создают своеобразный ритм Слова, его высокий эмоционально-экспрессивный тон. Иносказательные обороты и выражения приучали читателя Слов к отвлеченному мышлению, освобождали его от наивного представления об однозначности слова или выражения. С помощью художественных средств средневековый книжник-переводчик Слов Иоанна Златоуста сумел выразить основные духовные ценности своего времени.

Переводы Слов раннехристианских авторов служили школой для древнерусской церковно-книжной словесности. Уже в XI–XII вв. в Киевской Руси были созданы высочайшие образцы жанра Слова, о чем говорят «Слово о Законе и Благодати» киевского митрополита Илариона и «Слово на Пасху» Кирилла Туровского, дошедшие до нас.

Причем жанр Слова получил развитие не только в древнерусской богословской книжности, но и в светской словесности как тот самый «публицистический отклик» на древнерусскую действительность, к которой переводчики приспособляли переводные тексты, авторски перерабатывая их (подробнее об этом см.: [Лихачев, 2004. С. 215]). Так постепенно вырабатывались церковнославянские каноны гомилетического жанра, впитавшие в себя искусство как переводных, так и оригинальных Слов Иоанна Златоуста, Григория Богослова и других отцов христианской церкви. Жанр Слова-проповеди активно развивался до начала XX в. Во второй половине XX столетия вновь возникла настоятельная потребность обратиться к бесценному наследию церковнославянской словесности в области православной гомилетики. Языковая составляющая этого наследия пока остается недостаточно исследованной. Среди работ, посвященных изучению этого наследия, можно назвать кандидатскую диссертацию Т. С. Борисовой, содержащую выделение и анализ системы богородичных символов церковнославянского языка [1998]. Описание системы художественно-выразительных средств византийских переводных гомилий, которые подвергались переработке славянскими переводчиками и включались в церковнославянские оригинальные тексты слов-проповедей, акафистов, Прологов, Торжественников, Постной и Цветной Триодей, является актуальным в связи с возросшим вниманием

к истории церковнославянского языка и его функционированию. Особый интерес представляет дискурсивный подход к анализу особенностей слога гомилий отцов христианской церкви, сочинения которых стали школой формирования традиций церковнославянской словесности. С этой целью обращение к текстам Слов Иоанна Златоуста, находящихся в Успенском сборнике XII–XIII вв., может стать отправной точкой в изучении культурно-исторического наследия церковнославянской словесности.

Список литературы

Борисова Т. С. Система символов оригинальных и переводных церковнославянских богородичных гомилий и акафистов: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 1998. 16 с.

Жуковская Л. П. Текстология и язык древнейших славянских памятников: Моногр. М.: Наука, 1976. 367 с.

Лихачев Д. С. Введение к чтению памятников древнерусской литературы: Моногр. М.: Рус. путь., 2004. 340 с.

Лихачев Д. С. Поэтика литературы // Бычков В. В., Лихачев Д. С., Бусева-Давыдова И. Л., Бондаренко И. А. Художественно-эстетическая культура Древней Руси XI–XVII вв. М.: Ладомир, 1996. 560 с.

УС – Успенский сборник XII–XIII вв. М.: Наука, 1971.

Материал поступил в редколлегию 25.05.2014

M. I. Streltsova

*Novosibirsk State Pedagogical University
28 Vilyuiskaya Str., Novosibirsk, 630126, Russian Federation*

margiv44@gmail.com

«THE WORDS» OF ST. JOHN CHRYSOSTOM FROM THE «ASSUMPTION MISCELLANEA» (XII–XIII CENTURIES) AS A SCHOOL OF CHURCH-SLAVONIC LITERATURE

Here in the article an attempt of contemplation of philological analysis of the language of «The Word on Palm Sunday» from The «Assumption Miscellanea» (XII–XIII Centuries) as a homiletic genre of Church-Slavonic literature is undertaken. Main attention of the investigators was attracted by the original works from the Miscellanea by ancient Russian and Southern Slavs. Their overriding importance for developing as the language of Ancient-Russian literature so it's grammatical system is marked. Meanwhile the heritage of Church-Slavonic in the homiletic part of the Miscellanea in-

cluding the Words of St. John Chrysostom on Passion and Paschal weeks, Ascension of our Lord, Palm Sunday, Holy Thursday and Holy Friday, so as The Reading of St. Andrej of Crete on Lazarus Saturday, The Word of St. Euthymius the Syrian containing The Story of Abraham and other translated church text are still investigated not enough. Translated literature influenced on developing of several original spiritual genres in Ancient Russia i.e. homilies, lives, sermons, akathists, church hymns etc. Together with translated Christian literature Russia imported methods and ways of Byzantium rhetoric, means of arts and imaging system, methods of describing inner state of Christian ascetics. Miscellanea of sermons of Bishops of Russian Orthodox Church were spread among a large number of readers forming spiritual and linguistic culture of Russian society. During the 2nd part of XX Century a need to turn to invaluable heritage of Church-Slavonic literature in orthodox homiletics rose again. Linguistic part of this heritage is still not investigated enough. Description of the system of art-expression methods of homilies translated from Byzantium texts being converted by Slavonic interpreters and included to Church-Slavonic texts of sermons, akathists, prologues, torzhestvenniks etc. is actual due to grow of attention to the history of Church-Slavonic and its' use. Special interest is paid to discourse approach to analysis of features of language of homilies of Fathers of Orthodox Church whose works became a source of forming traditions of Church-Slavonic literature. From this point of view the turn to Words of St. John Chrysostom included in the Assumption Miscellanea of XII–XIII Centuries can become a starting point in studying of historic and cultural role of this manuscript in development of Church-Slavonic literature.

Keywords: homily, sermon, Church-Slavonic literature, translated Byzantium literature, symbol, preimage.